

Ludmiła Łucewicz
Uniwersytet Warszawski

„Горделивый вызов от виноватого к судьбе”: исповедь Николая Ставрогина

Из творческой истории *Бесов* известно, что Федор Достоевский, увлекшись фигурой Ставрогина, на одном из этапов работы над романом наделил своего героя высокой миссией несения креста (не случайно фамилия персонажа образована от греческого слова *stavros*, что в переводе и означает *крест*), однако в процессе художественного воплощения замысел видоизменился, и семантика этого образа соответственно эволюционировала. Сложность и неоднозначность образа подчеркивали русские религиозные философы: „загадка Ставрогина, тайна Ставрогина – единственная тема *Бесов*”¹. И до сегодняшнего дня Ставрогин продолжает оставаться одним из самых таинственных персонажей в русской литературе. Наиболее адекватное, хотя и несколько обобщенное понимание его сути предложил в 1914 г. Вячеслав Иванов в экскурсе *Основной миф в романе „Бесы”*. Приведу суждение известного поэта и теоретика в самом начале своей статьи, поскольку оно сразу же дает общее представление о своеобразном наполнении образа, не требующим детерминации, зато заключающим в себе возможности самых неожиданных и резких трансформаций:

Но кто же Николай Ставрогин? Поэт определенно указывает на его высокое призвание; недаром он носитель крестного имени (σταυρός — крест). Ему таинственно предложено было некое царственное помазание. Он — Иван-царевич; все, к нему приближающиеся, испытывают его необычайное, нечеловеческое обаяние. На него была излита благодать мистического постижения последних тайн о Душе народной и ее ожиданиях богоносца. Он посвящает Шатова и Кириллова в начальные мистерии русского мессианизма. Но сам, в какое-то решительное мгновение своего скрытого от нас и ужасного прошлого, изменяет даруемой ему святине. Он дружится с сатанистами, беседует с Сатаной, явно ему предается. Отдает ему свое я, обещанное Христу, и оказывается опустошенным, — до предварения еще при жизни «смерти второй», до

¹ Н.А. Бердяев, *Мирозозерцание Достоевского*, Москва: Азбука 2006, с. 16.

конечного уничтожения личности в живом теле. Он нужен злым силам своею личиною, — нужен, как сосуд их воли и проявитель их действия; своей же воли уже вовсе не имеет. Изменник перед Христом, он неверен и Сатане. Ему должен он предоставить себя, как маску, чтобы соблазнить мир самозванством, чтобы сыграть роль лже-Царевича, — и не находит на то в себе воли. [...] Всем и все-му изменяет он, и вешается, как Иуда, не добравшись до своей демонической берлоги в угрюмом горном ущелье².

Но и Вячеслав Иванов в конечном итоге останавливается перед „теургической загадкой, загаданным пророчесственным творением Достоевского”³, ставя все новые и новые вопросы и не давая на них ответов.

Напомню, что первоначально образ Князя мыслился автором как периферийный и лишь к лету 1870 г. выдвинулся на первый план. Как указывают комментаторы – Нина Буданова и Тамара Орнатская, именно в это время писатель и принял решение ввести в текст „главу о неудавшемся покаянии Ставрогина у Тихона, сделав ее сюжетно-композиционным и идейно-философским центром романа”⁴. Особое значение главы подчеркивалось неоднократно. Аркадий Долинин назвал ее „кульминационной вершиной всего романа”⁵; Константин Мочульский считал ее „кульминационной точкой романа”, „кульминацией в трагедии Ставрогина”, „высочайшим художественным созданием Достоевского”⁶. Издатель и комментатор новейшего издания сочинений Достоевского Владимир Захаров абсолютно убежден в том, что глава *У Тихона* настолько значима, что *Бесы* следует публиковать „как два разных романа... в журнальной и книжной редакции”, поскольку каждый из романов обладает и „своей композицией”, и „разной концепцией героя”⁷.

В свое время эта глава была отвергнута, как известно, редакцией катковского „Русского вестника”, где печатался роман. Основным препятствием

² В. И. Иванов, *Родное и вселенское*, сост., вступ. ст. и прим. В. М. Толмачева, Москва: Республика 1994, с. 310.

³ Там же, с. 311.

⁴ Т. И. Орнатская, Н. Ф. Буданова, *Комментарии*, [в:] Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 30 т.* Т. 12, Ленинград, Издательство „Наука” 1975, с. 186. Далее сноски даются на это издание с указанием номера страницы в тексте в скобках.

⁵ А. С. Долинин, *Исповедь Ставрогина (в связи с композицией Бесов)*, „Литературная мысль”, Вып. 1, Петроград 1922, с. 147.

⁶ К. В. Мочульский, *Достоевский. Жизнь и творчество*, Париж, Издательство „УМСА-Press” 1947, с. 345, 376.

⁷ В. Н. Захаров, *Бесы: Опыт реконструкции журнальной редакции романа*, [в:] Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений. Том IX. Приложение. Бесы. Роман. Опыт реконструкции журнальной редакции. Текстологическое исследование, комментарии*. Издание в авторской орфографии и пунктуации под редакцией профессора В. Н. Захарова, Петрозаводск, Издательство „ПетрГУ” 2010, с. 706.

для ее публикации послужил эпизод растления малолетней девочки. Николай Страхов в письме к Льву Толстому от 28 ноября 1883 г. вспоминал: „[...] одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать”⁸. Поначалу Достоевский пытался отстоять главу, затем согласился с требованием Михаила Каткова, с которым был связан материальными обязательствами, и в дальнейшем не предпринимал попыток введения ее в роман. Рукописи главы *У Тихона* хранились у Анны Достоевской; незадолго до смерти, в 1918 г., она передала их в Центральный архив в Москве. Первая редакция, а также незавершенный список этой главы были опубликованы в 1922 году⁹. С тех пор и до наших дней, несмотря на многочисленные и разнообразные подходы и интерпретации (Леонид Гроссман¹⁰, Константин Мочульский¹¹, Михаил Бахтин¹², Николай Савченко¹³, Олег Осмоловский¹⁴, Гурий Щенников¹⁵, Игорь Виноградов¹⁶, мн. др.), глава в целом и т.н. *исповедь* Ставрогина в частности вызывают неизменный интерес исследователей¹⁷.

Структурно исповедь является второй частью трехчастной главы *У Тихона*, где первая часть включает беседу Ставрогина и архиерея до чтения „листочков”; третья – обсуждение „документа” и попытки старца отговорить героя от публикации. Самая же исповедь располагается в центре главы, „разговоры” Тихона и Ставрогина обрамляют ее.

Напомню, что в христианском истолковании исповедь чаще всего соотносится с покаянием. Современный философ Михаил Уваров обратил внимание

⁸ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов, *Полное собрание переписки в 2 т.*, под ред. Донскова, сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова, Москва: Государственный музей Л. Н. Толстого [Ottawa (Canada)] 2003, т. II, с. 652.

⁹ См.: „Свиток” 1922, № 1, с. 96-124.

¹⁰ Л. П. Гроссман, 1) *Библиотека Достоевского*, Одесса 1919, с. 79–82; 2) *Стилистика Ставрогина. К изучению новой главы „Бесов”*, [в:] Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы, под ред. А. С. Долинина, Ленинград; Москва, Издательство „Мысль” 1924, сб. 2, с. 138-152.

¹¹ К. В. Мочульский, *Достоевский. Жизнь и творчество*, с. 345-352.

¹² М. М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, Москва, Издательство „Советская Россия” 1979, с. 283-287.

¹³ Н. Савченко, *Место исповеди Ставрогина в замысле романа „Бесы”*, [в:] *Русская и зарубежная литература*, вып. 1, Алма-Ата 1969, с. 21-30.

¹⁴ О. Н. Осмоловский, *Достоевский и русский психологический роман*, Кишинев, Издательство „Штиинца” 1981, с. 27–43.

¹⁵ Г. К. Щенников, „Журнал Печорина” и „Исповедь” Ставрогина: анализ деструкции личности, „Известия Уральского государственного университета”. № 17. Гуманитарные науки. Вып. 3, Филология, Екатеринбург, Издательство Уральского государственного университета 2001, с. 154-162.

¹⁶ И. И. Виноградов, *Духовные искания русской литературы*, Москва, Издательство „Русский путь” 2005, с. 246-250.

¹⁷ См.: А. Б. Криничин, *Формы исповеди в романах Ф. М. Достоевского*, Автореферат, Москва 1995; Ryszard Przybylski, Maria Janion, *Sprawa Stawrogina*, posłowie Tadeusz Komendant, Warszawa, Wydawnictwo SIC!, 1996.

на то, что в русских церковных словарях, справочниках, энциклопедиях может не встретиться слово *исповедь*, но обязательно имеется слово *покаяние*; ученый объяснил это тем, что

[...] в христианской традиции идея исповеди находится в [...] «подчиненном» положении по отношению к таинству покаяния. [...] Слово исповеди — как проявленный внутренний духовный опыт — может осуществляться в молчании. Каяться в молчании нельзя: покаяние — это вербальный акт *рас-каiania*, по сути своей *публичного*, произнесенного покаянного слова, ведущий свое начало из духовной практики IV века. Именно так понимали покаяние и ведущие русские художники XIX столетия (А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский, Л.Н. Толстой)¹⁸.

Я же хочу обратить внимание на то, что покаяние — эта важнейшая составляющая исповеди, не исчерпывает ее полностью. В святоотеческой литературе (см. Ефрем Сирин (306-373), *О покаянии*; Иоанн Лествичник (525-602), *О покаянии*) подчеркивалось, что кающийся человек должен осознавать необходимость очищения, переустройства, перемены¹⁹. Ефрем Сирин разъяснял:

Когда согрешишь, не жди обвинения от другого, но прежде нежели обличен и оговорен, сам себя обвини в сделанном; приступи к исповеди и не стыдись. Когда делал постыдное для себя, ты не стыдился; ужели же устыдишься теперь слов, оправдывающих тебя? Говори здесь, чтобы и против воли не сказать там. Исповедь во грехах служит к уничтожению прегрешений. Бог хочет услышать от нас грехи наши не потому, что не знает их, напротив того, Ему угодно, чтобы мы чрез исповедь пришли в сознание своих грехопадений. Не чего-либо тяжелого и трудного требует от нас Бог, но крушения сердца, умиления помыслов, признания в грехопадении, неутомимого и сильного припадания к Богу, наконец того, чтобы после исповеди просили мы себе прощение, в чем согрешили, и тщательно остерегались сего в последующее время²⁰.

Значит, суть религиозного исповедания определяется не только покаянием, но и обязательной интенцией на „перемену ума” (греческое слово *метанойя*,

¹⁸ М.С. Уваров, *Архитектоника исповедального слова*, Санкт-Петербург, Издательство „Алетейя” 1998, с. 21.

¹⁹ Ефрем Сирин, *Слово душеполезное [О покаянии]*, „Библиотека Якова Кротова” [Электронная версия] http://www.krotov.info/acts/04/socrat/sirin_pokayan.htm, дата открытия 19.03.2013.

²⁰ Ефрем Сирин, *Слово душеполезное [О покаянии]*, „Библиотека Якова Кротова” [Электронная версия] http://www.krotov.info/acts/04/socrat/sirin_pokayan.htm, дата открытия 19.03.2013.

переведенное на русский язык как *покаяние*, дословно означает *перемена ума*), которая предполагает иной образ жизни: отказ от дальнейшей греховности, „завет с Богом об исправлении жизни, ... совершение благих дел, противных прежним грехам”²¹; *перемена ума*, таким образом, призвана способствовать рождению нового человека. Эти установки для религиозного исповедания обязательны, само собой разумеющиеся.

Став явлением литературным, исповедь унаследовала христианскую традицию, где важными звеньями стали 1) покаянное „самоосуждение” в грехах, порках, безнравственных поступках; 2) смиренные обращения к Богу; 3) искренние благодарения Бога за наставление на путь истинный (Августин Блаженный: *Исповедь /Confessiones*, 397-400/; рус. перевод 1787 г.). С течением времени исповедь приобретала и иные черты, в частности, благодаря тому, что повествователь наделил сам себя особым эмоционально-волевым комплексом, амбивалентно совмещающим в себе мессианскую гордыню и смирение (Жан-Жак Руссо: *Исповедь /Les Confessions* 1782–1789/; рус. пер. 1797). Обе традиции – августиновская и руссоисккая, в равной степени были восприняты западноевропейской культурой Нового времени.

В русской литературе исповедь как жанр появилась в начале XIX в. Первым опытом стала повесть Николая Карамзина *Моя исповедь* (1804). Впоследствии исповедальность охотно использовали в художественном творчестве и романтики, и реалисты (Петр Вяземский, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Аполлон Майков, Иван Тургенев, Александр Герцен, Аполлон Григорьев, Лев Толстой, Федор Достоевский, мн. др.), так как она давала уникальную возможность с максимальной откровенностью представить психическое состояние героев и их внутренний мир.

Далее я рассматриваю определенные элементы ставрогинской исповеди в контексте указанной евангельской традиции при учете некоторых литературоведческих (Леонид Гроссман) и философских (Галина Худякова) суждений.

Один из наиболее авторитетных исследователей творчества Достоевского – Леонид П. Гроссман, еще в 1919 г., изучая творчество Достоевского, выделил ряд признаков, характерных для жанра литературной исповеди в целом:

В центре композиции стоит рассказ о тайном преступлении – это главный узел всей повествовательной системы. История греха, тяжелых душевных блужданий и тайных пороков – вот основная тема, намечающая развитие всей экспозиции. Сюжет как таковой может отсутствовать, цепь эпизодов нанизывается на некоторую моральную, философскую или психологическую тему *исправления, нравственного возрождения, усыпления или же очищения совести*

²¹ Иоанн Лествичник, *О покаянии*, [в:] *Добролюбие*, Москва, Издательство „Фолио” 2001, с. 210.

и искупления греха страданием. Таков тип литературного вида, оказавшийся в знаменитой книге блаженного Августина, в автобиографии Жан-Жака-Руссо, в *Исповеди англичанина, принимавшего опиум*²².

Согласно наблюдениям исследователя, в литературной исповеди существенны: 1) рассказ о тайном преступлении; 2) история греха, тяжелых душевных блужданий и тайных пороков; 3) цепь эпизодов, нанизанная на тему искупления греха страданием.

Обращаясь к Ставрогину, напомним, что он изложил свою исповедь письменно: на „трех листочках [...] обыкновенной почтовой бумаги малого формата”, дав заглавие – *От Ставрогина* (с. 12). Рассказ о своем „тайном преступлении” он расположил в центре повествования. Однако начало повествования напоминает скорее некий информативный официальный документ (признание, свидетельское показание), нежели исповедальный текст: „Я, Николай Ставрогин, отставной офицер, в 186— году жил в Петербурге, предаваясь *разврату* (выделено мной – Л. Ł.), в котором не находил удовольствия” (с. 12).

Здесь и далее Ставрогин-повествователь выступает скорее в функции *homo analitics*, нежели *homo confitens*. Именно аналитически, с акцентацией деталей и подробностей, он описывает свой *разврат*. В экспозиции сообщает о своем образе жизни в Петербурге, где он снимал три квартиры – в одной жил сам с будущей женой Марьей Лебядкиной, а две другие содержал „для интриги”:

[...] в одной принимал одну любившую меня даму, а в другой ее горничную и некоторое время был очень занят намерением свести их обеих так, чтобы барыня и девка у меня встретились при моих приятелях и при муже. Зная оба характера, ожидал себе от этой глупой шутки большого удовольствия (с. 13).

Ставрогинский *разврат*, как видно из приведенной цитаты, соотносится с грехом прелюбодеяния, входящим, как известно, в состав смертных грехов²³. Но, кроме того, и это главное – герой обуян безмерной *гордыней* – грехом, который трактуется в кн. Св. Писания как первый и самый страшный грех (отречение от Бога). Ставрогин мыслит себя неким сверхсуществом – то ли демоном, то ли человекобогом, присвоившим себе право манипулировать людьми, как марионетками, а также красть, лгать, лжесвидетельствовать, насиловать, мучить, убивать и проч. – таким образом список грехов заметно расширяется. При этом он неоднократно подчеркивает, что сознание никогда не покидало

²² Л. П. Гроссман, *Библиотека Достоевского*, с. 146.

²³ Православная святоотеческая традиция включает в список смертных грехов *восемь греховных страстей*: чревоугодие, прелюбодеяние, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордыню.

его, в любой момент своей жизни он контролировал себя, мог подавить любое желание:

[...] никогда [...] чувство не покоряло меня всего совершенно, а всегда оставалось сознание, самое полное (да на сознании-то всё и основывалось!). И хотя овладевало мною до безрассудства, но никогда до забвения себя. Доходя во мне до совершенного огня, я в то же время мог совсем одолеть его, даже остановить в верхней точке; только сам никогда не хотел останавливать. Я убежден, что мог бы прожить целую жизнь как монах, несмотря на звериное сладострастие, которым одарен и которое всегда вызывал. Предаваясь до шестнадцати лет, с необыкновенною неумеренностью, пороку, в котором исповедовался Жан-Жак Руссо, я прекратил в ту же минуту, как положил захотеть, на семнадцатом году. Я всегда господин себе, когда захочу. Итак, пусть известно, что я ни средой, ни болезнями безответственности в преступлениях моих искать не хочу (с. 14).

Из этой самохарактеристики героя видно, что он мог взять верх над любым чувством, мог остановиться в момент его наивысшего напряжения; но сам никогда не желал этого. Зато всегда готов был следовать всякой прихоти, как объясняет сам, от скуки и равнодушия („я хотел убить себя от болезни *равнодушия*” /с. 15/; „скоро *наскучило*” /с. 16/; „мне уже *надоело*” /с. 17/; „Мне и вообще тогда *очень скучно* было жить, до одури” /с. 20/; „мне всегда было *скучно* припоминать прошлое” /с. 21/). Ставругин искал все новых и новых ощущений, совершенно сознательно (*на сознании-то всё и основывалось!*) отвергая законы Божьи и человеческие, причем, чем безобразнее была прихоть, тем более для него притягательна: „Всякое чрезвычайно позорное, без меры унижительное, подлое ... всегда возбуждало во мне, рядом с безмерным гневом, неимоверное наслаждение” (с. 14). Рассказывая о своем „тайном преступлении”²⁴ над малолетней Матрешей, Ставругин, выступая в роли повествователя, использует не столько принцип „нанизывания эпизодов” (Л. Гроссман), сколько последовательное, сюжетное выстраивание „истории греха”, где каждый сюжетный компонент завершается тем или иным родом насилия. Выделю эти компоненты:

1. Ставругин случайно обронил перочинный ножик (нож вскоре нашелся) – подозрение в краже пало на безропотную Матрешу, хозяйка тут же прутьями до рубцов высекла девочку. Ставругину хотелось этой экзекуции, этого насилия (*завязка*);

²⁴ Достоевский в *Подготовительных материалах к Бесам* отметил: „из страсти к мучительству изнасиловал ребенка”, [в:] Ф. М. Достоевский, *Полное собрание сочинений* в 30 т. Т. 11, Ленинград, Издательство „Наука” 1974, с. 274.

2. Затем следует ряд неблагоприятных поступков героя: кража, алкоголь, разгул, бесчинства (экстенсивное *развитие действия*);

3. Через три дня, оставшись наедине с девочкой, Ставрогин совратил Матрешу (*кульминация*);

4. Матреша заболела, в бреду твердила – „Я Бога убила” (*подготовка к развязке*);

5. Ставрогин вновь появился в комнате на Гороховой. Матреша в полном отчаянии пригрозила ему кулачком, затем бросилась в чулан, Ставрогин прекрасно понял с какой целью, но не остановил – девочка повесилась (*развязка*);

6. В 11 вечера распространилось известие о том, что Матреша наложила на себя руки. Ставрогин дал показания полиции. О его преступлении никто ничего не узнал (*эпизод*).

Как видно, рассказ о „тайном преступлении” сюжетно четко организован, и в этом также присутствует та самая „красивость слога”, которая так покорила Тихона. Литературность (неприемлемая в исповеди) выразилась непосредственно в характере структурирования текста *homo confitens*.

Обращает на себя внимание и тот факт, что поведение Ставрогина напоминает поведение охотника, планомерно и неуклонно заманивающего свою жертву в капкан: „я *выждал* два дня” (с. 14); „надо было *выждать*, чтобы девочка все забыла” (с. 15); „я *ждал* и *просидел* целый час” (с. 18); „недоставало трех минут; я их *высидел*” (с. 19). При этом Ставрогин-повествователь не только скрупулезно наблюдает за поведением девочки, истолковывает ее внутреннее состояние, но и по-своему вживается в ее образ:

Девочка, поплакав, стала еще молчаливее, на меня же, я убежден, не имела злобного чувства. Впрочем, наверно, был некоторый стыд за то, что ее наказали в таком виде при мне, она не кричала, а только всхлипывала под ударами, конечно потому, что тут стоял я и всё видел. Но и в стыде этом она, как ребенок, винула, наверно, одну себя... (с. 14-15).

После надругательства над Матрешей Ставрогин, уже прекрасно понимая суть ее „жалкого” человеческого естества (с его глубиной безмерного стыда, самообвинением, неизреченностью отчаяния), с видимой беспристрастностью, сугубо аналитически, как будто не он, а кто-то иной участвовал в постыдной сцене, описывал внутреннее состояние девочки: „все случившееся должно было ей представиться ... как беспредельное безобразие, со смертным ужасом”; Матреша должна была ужаснуться тому, что „она сделала невероятное преступление и в нем смертельно виновата, – «Бога убила»” (с. 16).

Рассказ о „деле Матрешы” (судебная терминология) перемежается описаниями или упоминаниями о других безобразных преступлениях и пороках:

краже портмоне с жалованием у бедного чиновника; драке в кабаке; игре в карты; свидании с горничной Ниной Савельевной... Но более всего повествователь сосредоточивается на „бесчувственном” (как скажет Тихон) описании собственных ощущений в процессе исповедания. При этом Ставрогин опять-таки подчеркивал способность хладнокровно владеть собой.

Однако выясняется, что герою-вольонтаристу в определенный момент не все стало подвластно – и он испытал настоящий страх, доходящий до пароксизма (с. 16). Этот страх появился у Ставрогина сразу после растления Матрешы: „я преодолел внезапное чувство моего *страха* и остался” (с. 16); „Первая мысль по пробуждении была о том: сказала она или нет; это была минута настоящего *страха*” (с. 16-17); „к вечеру я опять почувствовал *страх*, но уже несравненно сильнее... Мне мерещилась каторга. Я никогда не чувствовал *страху*... ни прежде, ни после ничего не боялся. ... Но в этот раз я был *испуган* и действительно чувствовал *страх*, не знаю почему, в первый раз в жизни, – *ощущение очень мучительное*” (с. 17); „под утро стал наступать жар, меня опять одолел *страх*, но уже такой сильный, что я никакого мучения не знал сильней” (с. 17). Этот свой страх сам Ставрогин называет „низкой трусостью” (с. 20). Хотя дело тут не только в трусости. Страх в христианском понимании нередко связан не столько с осознанием, сколько с внутренним чувством греховности; страх – предварение просыпающейся совести (а совесть, согласно учению св. Отцов, – *Бог в душе человека*. Исаак Сирий: „Страх вводит нас в корабль покаяния...”²⁵).

Ставрогин пережил пароксизмы страха, но не дал ходу движениям совести, ведущим к покаянию. Он постоянно переключал свое внимание на какие-то внешние события, не позволяя себе рефлексировать. Оказываясь все время в ситуации выбора (продолжать путь преступника или прервать, сойти с него), он намеренно избирал первый путь, опускаясь все глубже в пучину мерзостного греха. После „*происшествия* в Гороховой” (еще одно определение преступления), он вскоре, как ему казалось, все забыл и только время от времени испытывал «злобу за низкую трусость» (с. 20). Но процесс пробуждения совести (Божий дар человеку), не зависящий от воли героя, подспудно шел. Временами появлялись его знаки. Один из таких знаков – как бы произвольно возникший *самосуд*: потребность „искалечить как-нибудь жизнь, но только как можно противнее” (с. 20): „помышлял застрелиться”, но придумал нечто еще более „безобразное” – женился на „последнем существе” – хромой „восторженной идиотке”, юродивой Марии Лебядкиной.

Ставрогин метался по миру – побывал на Афоне, в Египте, в Швейцарии, Исландии, Германии... Во Франкфурте в лавке он заметил карточку девочки,

²⁵ Покаяние [в:] *Добротолубие избранное для мирян*, Москва, Издательство Сретенского монастыря 2001 [Электронная версия] <http://www.psylib.ukrweb.net/books/dobrmir/index.htm>, дата открытия 19.03.2013.

похожей на Матрешу (еще один знак). А через некоторое время (третий знак) увидел фантастический сон – „Золотой век”, где „жили прекрасные люди”, „счастливые и невинные”, их „великий избыток непочатых сил уходил в любовь и простодушную радость” (с. 21) – это и есть идеальное предназначение человека. У Ставрогина же, – как скажет Тихон, – „великая праздная сила” ушла „нарочито в мерзость” (с. 25). К концу сна появилось видение („никогда ничего не являлось мне столь мучительным” /с. 22/: Матреша стояла на пороге „со своим поднятым и грозящим мне кулачком...” /с. 22/). Далее последовала единственная реплика, непосредственно соотносящаяся с актом исповедания, – „Это ли называется угрызением совести или *раскаянием*?” (с. 22) (выделено мной – Л.Ł.). Герой впервые почувствовал себя бессильным и безвольным.

По наблюдениям философа Галины Худяковой, существуют два уровня исповедальности – раскаяние и покаяние, при этом само слово *раскаяние* несет в себе более узкое значение, чем *покаяние*; в раскаянии, считает исследовательница, нет еще отречения человека от себя прежнего, он раскаивается лишь в отдельном поступке. Высшим уровнем исповедального поступка является покаяние²⁶. Кроме того, раскаяние – само по себе не всегда ведет к добру: оно может закончиться духовным возрождением человека (если перейдет в покаяние), а может быть истолковано самим кающимся впоследствии как слабость, озлобить и привести к еще большему греху, например, к самоубийству, как то произошло впоследствии со Ставрогиным.

Тихон, прочитав исповедь, ощутил эту вероятность страшного исхода. Старец попытался деликатно вразумить Ставрогина, говоря ему, что намерение опубликовать „документ” – „удивительный подвиг... если б это действительно было покаяние и действительно христианская мысль” (с. 24). Тихон пронизательно заметил, что Ставрогина не страшат ни само преступление, ни признание в содеянном, он стыдится именно христианского покаяния²⁷. *Рукопись* Ставрогина – это признание в преступлении, но не раскаяние и тем более не покаяние. Да и само признание как попытка самоанализа превратилось, по словам Тихона, в „горделивый вызов от виноватого к судье” (с. 24).

Безумная гордыня обусловила в конечном итоге и максимально жесткое наказание героя – его самоубийство. В богословской литературе самоубийство трактуется как бунт против Бога, – грех, который никогда не может быть прощен.

²⁶ Г. П. Худякова, *Уровни исповедальности: раскаяние и покаяние*, [в:] *Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова*, Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26-27 мая 1997 г.), Санкт-Петербург, Издательство Института Человека РАН (Санкт-Петербургское Отделение) 1997, с. 23-24.

²⁷ Мочульский называет покаяние Ставрогина „лживым”, [в:] К. В. Мочульский, *Достоевский. Жизнь и творчество*, с. 357.

SUMMARY

**“A Proud Confession of a Repentant Criminal to the Judge”:
Stavrogin’s Confession**

The paper attempts to examine Stavrogin’s confession in the context of biblical and literary traditions. Both the structure based on plots and the character of the narrative are a testament to the literary nature of the text. A profound meaning of the religious confession determined not only by repentance, but also by intention is implicit in the text so that homo confitens would ‘alter his mind’. The analysis shows that, when Stavrogin ‘crossed the border’ of his self-acceptance saturated with hubris, he was no longer afraid of crime or punishment. Hence, he was incapable of expressing Christian remorse. As a result, the so-called Stavrogin’s confession was merely a lofty declaration in which he confessed to being involved in the ‘case of Matriosha’, so, in other words, it was a sort of hypocritical repentance.